

№3 2007 год

педагогика искусства

Стукалова О.В.,

старший научный сотрудник лаборатории интеграции искусств ИХО РАО,
кандидат педагогических наук

Современное художественное образование в контексте постмодернистского дискурса (часть 2)

Начало в №2 2007

3. В поиске новых основ знания.

Постмодернизм отчетливо зафиксировал необходимость пересмотра господствующих в европейских гуманитарных науках представлений о способах получения знания, разработанных в эпоху Нового времени (прежде всего следует отметить огромный вклад Р. Декарта и И. Ньютона). Сегодня очевидно обнаруживается в усвоении гуманитариями познавательных процедур, характерных для дисциплин, обоснованных в виде систем представления знаний и обработки информации, свойств и правил мышления. В этом случае внимание исследователей сосредоточивается главным образом на специальном изучении процессов интеллектуального творчества, форм языка, письма и речи, вербальных и невербальных текстов. В конечном счете, наиболее значимой оказывается саморефлексия ученого. Не случайно эти перемены сопровождаются укреплением антиобъективизма в гуманитарных науках. Знание в постмодернистском дискурсе представляется не в виде системы, а как противоречивый интеллектуальный процесс «именования бытия», обусловленный подвижным культурным контекстом. Утрачиваются такие ключевые признаки науки, как всеобщность, вневременность, достоверность, выводимость, доказательность, проверяемость. Научная теория трактуется как свободно выбранная авторская позиция. Развенчание значимости объективного анализа повышает роль понятия «интерпретация», расширяя при этом его границы. Постмодернисты подвергают пересмотру и саму суть профессиональной работы гуманитариев. Для традиционной гуманитарной науки смысл познавательной деятельности заключается в том, чтобы с помощью правильно выбранной теории и научных методов, корректного использования профессионального понятийно-терминологического аппарата стремиться к постижению, объяснению и (по возможности) тождественному воспроизведению реальности в ее целостности. Однако в постмодернизме понятие реальности заменяется понятием «текст» как бесконечной игры «означающих» (термин Р. Барта). Реальность оказывается ни чем иным, как актом творения, совершаемым автором. В таком случае познающий субъект оказывается слитным с объектом — культурным контекстом, автор включен и даже растворен в нем. Текст автора предстает не как конечный результат творческой деятельности, а открытое, изменчивое, текучее пространство культурного со-общения. Выстраивается следующая логическая цепочка: авторское намерение — процесс письма — авторский текст — чтение-письмо читателя. Но в процессе письма погибает авторское намерение, так как в тексте говорит язык, а не автор. Тот, кто воспринимает этот текст, интерпретирует этот язык, создавая тем самым свой, со-авторский текст. Так происходит замещение проблемы «определения замысла автора» на проблему: «что такое этот текст и его

интерпретация читателем (зрителем, слушателем и т. д.)». Познание с этих позиций превращается в со-общение, а общение - в рефлексию, устанавливается зависимость между определенным типом дискурса (тем или иным видом нарратива) и способом культурной коммуникации. Отсюда и преимущественное внимание гуманитариев постмодернистского направления к нарративу, — к языку, структуре, содержанию текста, создаваемого исследователем в процессе научной работы.

4. «Речь, погруженная в жизнь».

Понятия текста, дискурса, нарратива являются центральными в постмодернистской философии, базирующейся на представлениях о языке как основном средстве моделирования реальности, в частности – реальности личного опыта человека. Если классическая философия главным образом занималась проблемой познания, то есть отношениями между мышлением и вещественным миром, то западная новейшая философия совершает своеобразный «поворот к языку» (*a linguistic turn*), поставив в центр внимания проблему языка, языкового характера сознания, а также деятельности людей как «дискурсивных практик». «Мир как текст» – один из наиболее известных тезисов постмодернизма (Ильин, 9).

Способность человека описать себя и свой жизненный опыт в виде связного повествования, выстроенного по законам жанровой организации художественного текста, представляет собой постмодернистскую трактовку языкового сознания (Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Ф. Лиотар, М. Фуко).

Здесь выявились две тесно связанные друг с другом проблемы: языкового характера личности и нарративного модуса человеческой жизни как специфической для человеческого сознания модели оформления жизненного опыта.

Исходной точкой интереса к нарративу (от англ. *narrative* – рассказ, повествование) в гуманитарных науках является открытие в 1980-х гг. того, что повествовательная форма – и устная, и письменная – составляет психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу стремлений людей прийти к соглашению с условиями существования.

Термин «нарратив» связан с латинским словом *gnarus*, то есть «знающий», «эксперт», «осведомленный в чем-либо», восходящим, в свою очередь, к индоевропейскому корню *gno* – «знать». Х. Миллер обращает внимание, что слово «наррация», означающее «дать устный или письменный отчет о чем-то, рассказать историю» – член семьи слов, которая включает в себя «когнитивный», «гнозис», «диагноз», «гномон», «физиогномия» (искусство определения характера по чертам лица), «норма», «нормальный» (от латинского «норма», что означало измерительную линейку).

Миллер замечает, что рассказывая, человек не только прослеживает последовательность событий, но и интерпретирует ее: «(г)наррация есть гнозис, рассказывание тем, кто знает. Но это также и диагноз, акт идентификации или интерпретирования посредством дискриминирующего чтения знаков» (Miller, 127 – 140).

Нарратив представляет собой специфическую форму *дискурса*. По определению лингвистического энциклопедического словаря, дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их

сознания (когнитивных процессах). «Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» (Языкознание, 136), то есть речь, вписанная в коммуникативную ситуацию. Следовательно, нарратив является основным компонентом социального взаимодействия, выполняющим функции создания и передачи социального знания, а также самопрезентации индивидов.

Традиционно в понятие «культура» вкладывается представление о накоплении и передаче опыта и системы смыслов посредством повествований (мифы, легенды, сказки, эпос и т. д.). При этом, как отмечают Й. Брокмейер и Р. Харре, мы с детства окружены повествованиями, имеем неограниченную потребность в них, причем не только в самих рассказах, но и в их бесконечных повторениях. Взрослея, мы просто привыкаем к широкому репертуару сюжетных линий, вращая в культурный канон нарративных моделей (Брокмейер, 29 — 42).

В целом, нарративы представляют собой формы, внутренне присущие нашим способам структурирования восприятия мира, упорядочивания личного опыта, а также получения знания.

Особую роль в выявлении нарративных способов осмысления реальности сыграло литературоведение, так как оказалось, что только литературный дискурс или литературность любого дискурса делает возможным для человека наделять смыслом окружающий мир и его восприятие. Кроме этого, с обитием реального мира люди постоянно пытаются придать литературный вид, описывая их по законам традиционных жанров и используя различные нарративные схемы (Усманова).

Вследствие подобной точки зрения сформировалась целая область исследований – нарратология – наука, изучающая фундаментальные принципы повествования и феномен нарративности, доказывающая, что даже любой нелитературный дискурс функционирует согласно принципам и процессам, наиболее наглядно проявляющимся в художественной литературе.

Активное изучение нарратива привело к формированию большого количества его разнообразных теорий, из которых самыми принципиальными, по мнению Х. Миллера, являются следующие: теории русских формалистов В. Я. Проппа, В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума; диалогическая теория нарратива, у истоков которой стоял М. Бахтин; теории «новой критики» (Р. П. Блэкмэр); психоаналитические теории (К. Берк, Ж. Лакан, З. Фрейд, Н. Эбрэхем); герменевтические и феноменологические теории (Р. Ингарден, Ж. Пуле, П. Рикер); структуралистские, семиотические и тропологические теории (Р. Барт, А. Греймас, Ж. Женетт, К. Леви-Строс, Ц. Тодоров, Х. Уайт); марксистские и социологические теории (Ф. Джеймисон); теории читательского восприятия (В. Айзер, Х. Р. Яусс); постструктуралистские и деконструктивистские теории (Ж. Деррида, П. де Ман).

Каждая из этих теорий изучает повествовательные тексты (нарративы), исследует их природу, формы и функционирование, общие черты, присущие всем возможным типам нарративов, равно как и критерии, позволяющие отличать последние между собой, а также систему правил, в соответствии с которыми нарративы создаются и развиваются. Аналитическими компонентами нарратологии являются сюжет, точка зрения, время, персонаж, действующие лица, повествовательная роль.

Таким образом, художественная литература может служить для всех нарративных текстов моделью, обеспечивающей их понимание, а богатый литературоведческий опыт изучения поэтики жанров, сюжета, повествования, будучи экстраполирован на нехудожественные нарративные тексты, открывает перед их исследователями новые эвристические возможности.

5. Нарративное осмысление мира как психолого-педагогическая проблема.

Проблема взаимоотношения между рассказом-нарративом и жизнью, рассматриваемая как выявление специфически нарративных способов осмысления мира, в последнее время стала предметом научного интереса в психолого-педагогической науке. В частности, представители социального конструктивизма для обоснования своей теории личности обращаются к концепции текстуальности мышления, постулируя принципы самоорганизации сознания человека и специфику его личностного самополагания по законам художественного текста.

Так, Дж. Брунер в книге «Актуальное сознание, возможные миры» высказывает идею о том, что воплощение личного опыта в форме истории, рассказа позволяет осмыслить его в межличностной сфере, поскольку форма нарратива, выработанная в ходе развития культуры, уже сама по себе предполагает исторически опосредованный опыт межличностных отношений.

По мнению американских психологов Б. Слугоского и Дж. Гинзбурга, язык, являясь средством социального, межличностного общения и, в силу этого, будучи укорененным в социокультурной реальности господствующих ценностей любого конкретного общества, неизбежно социализирует личность в ходе речевой коммуникации. Люди же прибегают к семиотическим ресурсам «дискурсивного самообъяснения» для того, «чтобы с помощью объяснительной речи скоординировать проецируемые ими идентичности, внутри которых они должны выжить» (Ильин, 97).

На стыке идей социального конструктивизма и постмодернизма в психологии сформировалось новое направление, изучающее повествовательную природу человеческого поведения: *нарративная терапия*. Согласно М.Уайту, нарративная терапия сфокусирована на том, как люди придают смысл своему опыту и делают его понятным для себя и для других. Уайт считает, что «люди осмысливают свою жизнь через истории – как через культурные, врожденные нарративы, так и через личные нарративы, которые они конструируют относительно культурных нарративов. В любой культуре определенные нарративы со временем будут доминировать над остальными» (Фридман Дж., Комбс Дж., 56).

Нарративная терапия и «помогает людям обнаружить влияние ограничивающих культурных историй на их жизнь и расширить и обогатить их собственные жизненные нарративы» (Там же, 39). Следовательно, посредством рассказывания историй люди формируют и переформируют свою жизнь и свой опыт. Уайт сформулировал идею уникального эпизода, некоего опыта (поведенческих или коммуникативных актов, переживаний, мыслей), несоответствующего, выбивающегося из логики и смыслов проблемно-насыщенных самоописаний людей.

Выявляя уникальные эпизоды, нарративный терапевт помогает человеку увидеть в его прошлом более предпочтительный для этого человека опыт, и распространить его на настоящее и будущее. Таким образом, цель нарративной терапии – открытие пространства для создания новых, альтернативных историй, переживания ощущения выбора.

Американский психолог Дж. С. Говард предложил свою модель нарративной психотерапии, понимая ее как философскую позицию, связанную с онтологическим пониманием человека как активного существа, рассказывающего истории. С точки зрения этого подхода основополагающая задача, стоящая перед индивидом на протяжении всей его жизни, заключается в том, чтобы придать смысл своему существованию. Индивид предстает как комментатор, автор, рассказчик и

ученый, исследующий себя и стремящийся придать смысл суете и неразберихе, которые царят в жизни. По мнению Дж. С. Говарда, порядок в жизни может быть установлен в том случае, если людям удастся увидеть в истории их жизни проявления смысла. Это происходит в тех случаях, когда жизнь человека и его действия предстают как часть связной истории.

Таким образом, можно констатировать, что нарративное осмысление мира содержит значительный психолого-педагогический потенциал, особенно актуальный на занятиях с художественно одаренными учащимися, отличающимися сверхчувствительностью к личным проблемам, ранимостью, неординарностью оценок и т.д. Использование в практике методик нарративной терапии способствует пересмотру самооценки и интерпретации своей жизни. Изменяя что-то в своих интерпретациях значимых отношений, учащиеся обретают способность по-новому увидеть события своей жизни и, таким образом, достичь большего самоопределения.

6. Проблема «смены парадигм».

Провозглашенная в постмодернистской эстетической теории коренная «смена парадигм» и даже новая «революция» в гуманитарных областях знания связаны с ревизией установившихся взглядов на профессию историков, литературоведов, искусствоведов, психологов, философов, эстетиков и, безусловно, педагогов. Позитивным качеством такого подхода является стремление освободить творческую индивидуальность от пут и ограничений. Но вызывает опасение, что в постмодернизме поставлено под сомнение привычное понимание исторической истины. Согласно логике постмодернистских рассуждений, ученый-гуманитарий столь же суверенно творит научный текст, как создают его писатели и поэты. Текст ученого, утверждают постмодернисты, - это повествовательный дискурс, нарратив, подчиняющийся тем же правилам риторики, которые обнаруживаются в художественной литературе. Если последовательно стоять на подобной точке зрения, то не окажется ли, что любая версия того или иного события, произведения в равной мере имеет право на существование и безразлична к истине, так как она способна выразить, собственно, лишь взгляды и оценки автора научного труда, взгляды, по сути своей субъективные? Но если писатель или поэт свободно играет смыслами, прибегает к художественным коллажам, то научные построения никак не могут полностью отвлечься от некоторой данности, не выдуманной исследователем, но обязывающей его предложить по возможности точную и глубокую ее интерпретацию. Крупнейший историк-медиевист А. Я. Гуревич справедливо замечает по этому поводу: «В результате произвольного распространения приемов и принципов деструкционизма на ремесло историка из истории испаряется вместе с истиной и время, образующее "фактуру" исторического процесса. Доведенные до предела, постмодернистские критические построения грозят разрушить основы исторической науки» (Гуревич, сайт). Приведем мнение другого крупного гуманитария – литературоведа И. О. Шайтанова, который в своей статье «Дело № 59: НЛО против основ литературоведения» («Вопросы литературы», 2003, № 5) убедительно показывает, что безоглядный, ничего не страшщийся игровой подход к ценностям культуры и литературы, в частности, перестал соответствовать реальности. «Создатели постмодернизма полагали, — пишет профессор Принстонского университета (США) К. Эмерсон, — что их игра имеет смысл лишь как подрывная. Игра перестала быть подрывной, увы, площадки просто закрылись, а нам предстоит найти для себя более надежный подход к изменившемуся миру, что потребует большего труда и доставит мало радости» (Эмерсон, 162).

Объективно оценивая значение эстетики постмодернизма для развития современного искусства и художественного образования, необходимо подчеркнуть, что с середины 1960-х годов, характерные для нее идеи и концепции обретают культурфилософскую перспективу. В течение 1970-80-х годов постмодернизм переживает подъем, вдохнув в искусство «новую жизнь».

Постмодернистская эстетика сумела поколебать власть догматизма в сфере познания, противопоставив ему плюрализм и релятивизм. Постмодернисты развенчали утопии, господствовавшие в XX веке, попытались глубже понять людей, обратившись к сфере коллективного бессознательного, показали преимущество принципов «игры», «удовольствия» над принципом «производства», предложили «уравнять» человека с природой. Тем самым постмодернисты совершили настоящий прорыв в сферах мышления и познания, в сфере художественного творчества.

Постмодернисты попытались создать новую картину мироздания, обрести многомерное, нелинейное художественное мышление в масштабах целых культурно-исторических эпох, овладеть всеми типами письма, совместив в одном авторе художника и философа, историка, литературоведа, культуролога, найти средства для воссоздания множественности истины, моделирования вероятных миров, качественного обновления искусства, интеллектуальный уровень которого должен соответствовать неизмеримо усложнившимся представлениям о мире. Эти задачи не были реализованы полностью. Возможно, это задачи для целой культурной эпохи, в данный же момент завершается лишь первая фаза вживания в новый культурный менталитет.

Между тем из состояния «культурного взрыва» (термин Ю.М. Лотмана) постмодернизм перешел в стадию «непрерывного развития», рассматривается в научной литературе как уже состоявшийся. Ощущение завершенности, исчерпанности социокультурного поведения заставляет подозревать исчерпанность определенного культурного типа и менталитета, что создает впечатление конца.

Кризисное состояние искусства в начале XXI века (так, например, исследователи говорят о «остывании» литературы (Вик. Ерофеев), нехватке энергии у искусства, «истлевании» его как способе осмысления мира (Д. Галковский, спекулятивном характере постмодернизма (Т. Кибилов)) свидетельствует о том, что постмодернизм из «высокого искусства интеллектуалов» постепенно вырождается в ремесленную лавочку, на потоке производящую «приемы» и успешно торгующую этими новинками.

«Внутри сообщества авангардистов иерархия, конечно, есть, и очень жесткая. Она определяется не художественным уровнем (за отсутствием понятия), а тем, что в обычных условиях является следствием художественного уровня, - известностью, рыночным успехом и размерами гонораров» (Хмельницкий, 204).

В постмодернистской культуре неотвратимо развивается процесс девальвации искусства, утраты эстетических ценностей и критериев. «Приходится все-таки идти от постмодерна вперед, а не назад...» — констатирует Вик. Ерофеев (Ерофеев Вик. 564). Б. Хазанов, в частности, предупреждает, что перед постмодернизмом возникает опасность забыть о реальности. Исследователи говорят о появлении новой фазы искусства — пост-постмодернизме (Мих. Эпштейн), прогнозируя «радикальный переход от конечности к начальности как к модусу мышления». (Эпштейн, 197).

Постмодернизм фиксирует внимание на разрыве с предшествующей исторической традицией, многие из коренных постулатов которой им отвергаются. Между тем подобные резкие сдвиги и перевороты в науке и образовании, как правило, оказываются неоправданными. Необходимо

утверждать образец гуманитарного знания, отмеченного надежностью и, самое главное, точной опорой на гуманистические ценности.

Литература

- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии, 2000, №3. С. 29—42.
- Вайнштейн О. Б. Постмодернизм: история или язык? // Вопросы философии, 1993, № 3.
- Вельш В. «Постмодерн»: Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь, 1992, № 1.
- Гуревич А. Я. Историк в поисках метода // сайт <http://e-lib.info/book.php?id=1150000005&p=0>
- Делез Ж. Логика смысла. М., 1995.
- Делез Ж. Платон и симулякр // Новое литературное обозрение, 1993, № 5.
- Ерофеев Вик. Разговор по душам о виртуальном будущем литературы // Ерофеев В. Страшный суд. Роман. Рассказы. Маленькие эссе. М., 1996.
- Жак Деррида в Москве. М., 1993.
- Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998.
- Керимов Т. Х. Постмодернизм // Современный философский словарь. М., 1996
- Керимов Т. Х. Постструктурализм // Современный философский словарь. М., 1996.
- Маньковская Н. Б. «Париж со змеями» (Введение в эстетику постмодернизма). М., 1995.
- Назаретян А. «Столкновение цивилизаций» и «Конец истории»// Общественные науки и современность, 1994, № 6.
- Райхман Д. Постмодернизм в Номиналистской системе Координат: Появление и распространение одной категории культуры // Флэш Арт (русское издание), 1989, № 1.
- Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. – М.: КАМІ , 1995.
- Рыклин М. Террорологии. Тарту, М., 1992.
- Усманова А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. – Минск: Пропилеи, 2000.
- Халилов В. Постмодернизм в системе мировой культуры // Иностранная литература, 1994, № 1
- Хмельницкий Д. Концептуализм глазами реалиста. Опыт контррискусствоведения // Знамя, 1999, № 6.
- Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература, 1988, № 10.

- Эмерсон К. О чем и для чего спорят литературоведы // Вопросы литературы, 2007, № 2. С. 161—164.
- Эпштейн М. Прото- или Конец постмодернизма // Знамя, 1996, № 3.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
- Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Essays on the verbal and visual arts / J. Helm (e d.). Seattle : University of Washington Press , 1967. P. 12—44.
- Miller H. Reading narrative. Oklahoma : University of Oklahoma Press, 1998.